

АННА МОРСКАЯ

НЕВЕСТА
ПАТОЛОГОАНАТОМ
ДЛЯ
НЕКРОМАНТА

Анна Морская

Невеста (патологоанатом)

для некроманта

<https://litres.ru/74208182>

Аннотация

Я думала, что умру, но очнулась в другом мире, в теле девушки с такой судьбой, что большой вопрос — это второй шанс или насмешка? Жених, от которого сбегают невесты. Семья, которая использует меня как пешку. Мрачная игра, заложницей которой я невольно стала. И чувства, какие я не испытывала за всю свою жизнь.

Но я не собираюсь сдаваться и играть по правилам этого мира. В конце концов, я успешный патологоанатом, и мою нервную систему так просто не пошатнуть. Только бы найти настоящую себя в этом мире, а не потеряться в чужой судьбе.

Однотомник, обязательный ХЭ

В тексте вас ждут:

♥# Сцены 18+ ♥# Попаданка с нетипичной профессией ♥# Властный, но адекватный герой ♥# Загадочные исчезновения людей ♥# Авторский магический мир

Книга является частью цикла, но произведение самостоятельное. Читать можно в любом порядке.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	59
Глава 9	64
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Пролог

Нева ловила тусклые отблески уличных фонарей, едва различимо отливая медью вод в черной ночной ряби. Ветер дул настолько промозглый, что пробирал до костей, но даже он не заставил меня отказаться от глупой затеи, в которой я, тем не менее, очень нуждалась.

Внутренний карман оттягивала упаковка бенгальских огней с самой дешевой зажигалкой, купленной в ближайшем магазине.

Хотя на дворе только сентябрь, я все же смогла их найти. Чудесное дело маркетплейсы, еще каких-то лет десять назад пришлось бы попотеть, чтобы их достать в это время года.

Мимо шли неприлично счастливые люди всех возможных возрастов, и смотря на их улыбки, слушая то и дело доносящийся смех, я чувствовала себя еще более несчастной.

Дело в том, что моя собственная жизнь, кажется, окончательно развалилась на части.

Найдя подходящий спуск, я осторожно прошла по влажным ступенькам к реке. Немного подышала прохладой и достала яркую мятую упаковку.

Пальцы замерзли, но мне все же удалось извлечь серую палочку и крутануть колесико зажигалки. Ферроцерий честно выдал несколько снопов искр, и с третьего раза зажег огонек, колышавшийся на ветру.

Присев на корточки, я зажгла бенгальский огонь и стала наблюдать, как он пожирает свое серое тело, нанизанное на дешевую проволоку. А потом еще один. И еще.

Так глупо.

Совсем недавно мне исполнилось тридцать восемь, и обстоятельства сложились так, что в старой квартире, доставшейся от слишком рано ушедших родителей, я осталась совсем одна. И ладно бы только в доме, где прожило не одно поколение нашей семьи, но и в жизни тоже.

Еще несколько лет назад казалось, что жизнь удалась. Я успешно работала патологоанатомом в научно-исследовательском институте, звезд с неба не хватала, но свою работу, пускай и своеобразную, любила.

И даже по мнению общества состоялась как женщина. Вышла замуж по большой, как мне казалось, любви.

С бывшим мужем мы успели объехать несколько стран, купить хороший семейный автомобиль, и казалось бы, все шло к тому, чтобы сделать нашу семью больше, но он, всегда говоривший, что хочет много детей, с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее. Пока не признался, что не уверен, что хочет такое будущее именно со мной.

Конечно, мы попытались спасти брак, но холод и безразличие, родившиеся после того рокового разговора, преодолеть так и не смогли. Оба. Я очень быстро поняла, что не смогу сделать вид, будто ничего не было, хоть еще совсем недавно верила, что с этим человеком встречу старость.

— Не срослось, — прошептала я, смотря, как погибает очередной бенгальский огонь.

Давно, совсем молодые и романтичные, мы точно так же жгли их здесь на первом свидании. Наивно до тошноты, но мы чувствовали себя по-настоящему счастливыми.

Интересно, что нам помешало? Моя работа? Он никогда ее не любил, хотел чтобы бросила. А я ну никак не видела себя ни в роли домохозяйки, ни какого-нибудь эффективно-го менеджера в офисе.

Тяжело вздохнув, я переборола желание выбросить оставшиеся огни прямо в воду вместе с воспоминаниями. Как-то странно собирать пластиковые крышечки, чтобы сдать их в пункт приема, но кидать мусор в Неву.

Я аккуратно убрала оставшуюся упаковку бенгальских огней во внутренний карман. Пальцы все еще дрожали от холода и невысказанных слов, но движения были четкими, будто выполнялся ритуал, который нужно завершить, чтобы наконец уйти.

И с промозглой набережной, и от плана жизни, который не состоялся.

Не поворачиваясь, я задержала взгляд на воде и сделала шаг назад, намереваясь подняться по скользким ступенькам, но подошва ботинок неожиданно потеряла сцепление с влажным бетоном.

Я инстинктивно взмахнула руками, пытаюсь ухватиться за невидимую опору, но воздух оказался безжалостно пуст.

Тело понесло назад быстро и неотвратно. В ушах зазвенел резкий свист ветра.

Глухой удар. Затылок врезался в холодный бетон.

«Перелом затылочной кости. Субдуральное кровоизлияние. Возможно, повреждение ствола мозга» — подсказал профессиональный опыт.

В голове не было страха, только отстраненное удивление: как странно, что все закончится вот так. Не в операционной, не от болезни, не в глубокой старости. А здесь, у реки, с остатками бенгальских огней в кармане.

Дыхание становилось поверхностным. В глазах темнело, но сознание еще держалось. Упрямо, цепко, словно не желая смириться с неизбежным.

Вообще-то, у меня был большой план, как несмотря ни на что прожить долгую и счастливую жизнь.

Я попыталась пошевелить пальцами. Отклик был слабым, вернее сказать, что его почти не было.

«Отек мозга. Гипоксия. Несколько минут, от силы — десятков. Скорая не успеет».

Где-то на периферии слуха шумела Нева, доносились как сквозь вату первые крики людей, бросившихся на помощь. Но все уже становилось далеким, нереальным.

Только четкие, безжалостные знания о том, как умирает человеческое тело, оставались со мной до конца.

Ну и ладно. Все равно горевать по мне некому.

Глава 1

Ольга

Вопреки всем ожиданиям, смерть так и не наступила.

Совершенно парадоксально, но до меня продолжили доноситься голоса встревоженных людей. Во всяком случае, сначала мне показалось, что они встревоженные.

Я не видела ничего. Ни единого проблеска света. Приходить начали только ощущения, рваные и хаотичные.

Чьи-то руки схватили меня за плечи и резко, почти грубо, приподняли. Пальцы впились в предплечья, фиксируя, будто их владелец опасался, что я вдруг вскочу и убегу.

Потом холодное, скользкое прикосновение к запястью. Он нащупывал пульс, но делал это не с тревогой, а с раздраженной деловитостью.

— Пульс есть, — произнес мужской голос, скучающий, почти насмешливый. — И даже ровный. Полагаю, сестра решила над нами всеми подшутить. Эй! — меня грубо похлопали по щекам. — Давай, прекращай ломать комедию. Нам не весело, Оливия.

Звуки доносились как сквозь толщу воды.

— Может, просто перепила? — раздался женский голос, холодный и язвительный. — Вы не подумайте, дияр, у сестры нет проблем с алкоголем. Вино просто нынче крепкое, а нервы у нее всегда были слабыми.

— Не думаю, — отозвался другой мужчина. — Она бледна как полотно. Но не похоже, чтобы умирала. Видимо, упала в обморок от избытка чувств. Вы не переживайте, с молодыми девушками такое случается.

Даже в таком состоянии я смогла понять, что слышу совершенно равнодушные и отстраненные голоса. Ни капли сочувствия или беспокойства. Только странное в таких обстоятельствах раздражение.

Запах ударил в ноздри смесью тяжелых духов и жареного мяса. Я попыталась вдохнуть глубже, но грудь сдавило, будто кто-то положил на нее камень.

К моему лицу поднесли что-то горячее, возможно, нагретую ложку или монету. Я инстинктивно попыталась отстраниться, но тело не слушалось. Лишь веки дрогнули, и тут же раздался саркастический возглас:

— О, смотрите! Она все-таки пришла в себя. Вставай, Оливия! Как ты показываешь себя перед женихом?

Боже, что они несут? Какой жених и кто такая Оливия? Меня зовут Ольга, и я развелась неделю назад.

Боль запульсировала в затылке, глухая, монотонная, как удары далекого колокола. Перед глазами начало проясняться, но пока мне не удалось разглядеть ничего, кроме слепящего света и цветных пятен.

Я попыталась сосредоточиться, вспомнить, что произошло.

Нева. Бенгальские огни. Мокрые ступеньки. Падение.

Удар.

Странно, должно же быть темно? Или меня уже доставили в больницу?

— Прекращайте этот цирк, — раздался строгий и мрачный голос. — Упала в обморок, вы серьезно? У нее сердце не билось примерно минуту.

Прозвучал совершенно неуместный женский смешок.

— Очень даже по вашей части, дияр. Вам так не кажется?

— О, вы и правда такого мнения обо мне, баронесса? — ядовито поинтересовался все тот же мужской голос. — Вынужден разочаровать. То, что я могу заставить тело мертвой невесты двигаться, не значит, что я на нем женюсь.

Повисла тяжелая тишина.

Я попыталась открыть глаза шире, сфокусироваться на лицах, но мир снова поплыл. Голоса звучали то громче, то тише, будто я погружалась под воду и выныривала на поверхность.

— Не обращайтесь внимания на Вивьен, дияр, — засуетился кто-то. — Она еще слишком юна, и испытывает проблемы с манерами. В отличии от вашей невесты.

— Перенесите Оливию в ее комнату и пригласите лекаря. Сейчас же, — строго произнес немолодой женский голос. — Приносим свои извинения, знакомство, по всей видимости, придется отложить.

Чьи-то руки подхватили мое тело, на этот раз куда бережней. Меня несли недолго, до тех пор, пока я не почувствова-

ла спиной мягкий толчок.

Постель. Свежая, прохладная, пахнувшая лавандой и крахмалом.

Я попыталась пошевелиться, но мышцы не откликнулись. Веки дрожали, будто пытались подняться, но не могли.

— Лучше бы тебе найти разумное объяснение, когда ты очнешься, Оливия, — донесся приглушенный голос, полный подавленной ярости.

Шаги. Скрип двери. Тишина.

Хотелось забыться в целительном сне, но вместо него пришла беспокойная горячка и вихрь странных образов.

В них я будто бы оставалась собой, но складывались они в целую сказку о том как росла и жила совершенно другая девочка. Сказку мрачную и полную мучений.

Вот, светлая комната, залитая закатным солнцем. Маленькая девочка — я? Нет, она. Сидит у окна, обхватив колени. На них книга с картинками, но глаза не читают. Смотрят в пустоту.

За дверью слышны голоса: смех, звон бокалов, чьи-то шутки. Но сюда, в эту комнату, веселье не доходит.

— Ты все еще здесь? — раздается мужской голос.

Девочка вздрагивает. В дверях мужчина. Отец? Да, точно он. Но взгляд его странный, холодный и отстраненный, каким я его никогда не видела.

— Ты обязана спуститься к гостям. Ты должна быть милой.

— Я не хочу, — шепчет она.

— Никто не спрашивает чего ты хочешь, Оливия, — мрачно сообщает отец. — Связи налаживаются с детства. Ты должна произвести хорошее впечатление на семью графа и в особенности, на его младшего сына. Вы примерно одного возраста.

— Но...

— Ничего не хочу слышать. Мы тебя ждем.

Отец уходит. Даже не попытавшись выслушать, как ужасен этот сын графа, который ловит и мучает птиц, а в последнее время он вообще осознал, что издеваться над сверстниками еще интересней.

Темнота. Запах воска и металла.

Она стоит в углу, прижав ладони к стене. Перед ней женщина в черном платье. Мачеха. Губы сжаты, глаза как колючий снег.

— Ты опозорила нас, — женщина говорит тихо, но так, что кровь стынет в жилах. — Из-за твоего самовольства отец потерял крупный контракт.

— Я не хотела... — начинает девушка, еще почти девочка.

— Не хотела? — Мачеха делает шаг вперед. — Ты родилась ошибкой. И все, что ты делаешь — ошибка.

Обед. Длинный стол, заставленный серебряной посудой. Напротив мужчина. Лицо расплывается, но ощущение остается: он пугает. Он улыбается, но в глазах ничего. Пусто.

— Надеюсь, вы оцените мое терпение, — говорит он кому-то, не глядя на девушку. — Представляете, она думала, что я на ней женюсь. Идиотка.

Кто-то смеется. Она чувствует, как в горле встает ком. Тянет руку к стакану с водой, но пальцы дрожат. Стакан падает. Звон разбитого стекла. Тишина. Все взгляды сошлись на ней.

— Простите, — шепчет она.

Комната. Ночь. Лунный свет на полу. Она сидит на краю кровати, держа в руке маленький флакон. Запах исходит резкий, сладкий.

— Это конец, — говорит она вслух, но голос звучит как чужой. — Я так устала.

Пальцы сжимают горлышко. Она поднимает флакон к губам.

Нет!

Я рванулась из видения, как из глубины. Вскинула голову, задыхаясь.

Отдышалась.

Вокруг точно такая же постель. Темнота. Комната, которая кажется знакомой настолько, будто в ней прожита вся жизнь.

Глава 2

Чувствуя, как тяжелое платье прилипает к телу, пропитавшись потом, я медленно села на кровати и схватилась за тяжелую, гудящую голову.

В висках стучало, но сознание держалось цепко, постепенно выходя из шокового состояния.

Я с трудом встала, ощутила, как каждая мышца протестует против движения, пошатнулась, но все же сделала несколько неуверенных шагов к зеркалу. Массивному, в резной раме, отбрасывающей на пол причудливые тени. А затем взгляделась в отражение и потеряла дар речи.

Это было *мое* лицо. И не мое одновременно.

Передо мной стояла девушка чуть за двадцать. До оскомины знакомые черты, но дышащие той особой юностью, которую не вернуть никакими кремами и процедурами.

Яркие ореховые глаза смотрят с испугом и изумлением. Пшеничная волна волос ниспадает до самой поясицы, прихваченная несколькими шпильками.

Сколько себя помню, всегда носила короткую практичную стрижку. Я провела дрожащей рукой по локонам: настоящие, тяжелые, пахнущие жасмином. Они кричали о другой судьбе, о другом воспитании, о жизни, где за прической ухаживают другие люди.

И безупречно гладкая, холеная кожа, которой у меня ни-

когда не было. Только сейчас лицо выглядело измученным: бледность с сероватым подтоном, темные круги под глазами, пересохшие губы.

Я приблизилась к зеркалу вплотную, всматриваясь в детали.

— Это не грим... — прошептала я, касаясь своего лица. Так.

Без паники. Когда не получается понять всю картину целиком, необходимо попробовать разложить ее на части и решать проблемы поступательно.

Сначала нужно понять, насколько критично мое состояние.

На ватных ногах я вернулась к постели и рухнула на нее. Затем прикрыла глаза и сосредоточилась на телесных ощущениях.

Головокружение умеренное, проходит. Тошнота отсутствует. Координация нарушена, но не критично. Боль в затылке тупая, ноющая. Вероятно, ушиб без серьезного повреждения. Пульс учащенный, но ровный, можно списать на ошеломление от происходящего.

Резюмируя: состояние не критичное, через несколько часов отдыха приду в себя. Вопрос только, хочу ли?

Стало совершенно ясно, что увиденный мной в бреду сон — не шутка подсознания. Не мой кошмар. Настоящая память другого человека. Ее боль. Ее жизнь.

И, кажется, теперь она моя.

Девушку с моим лицом здесь звали Оливия, и судьба ее не вызывала ничего, кроме жалости и сострадания.

Родная мать умерла в родах, что логично, раз мы своего рода копии. Я сама появилась на свет в результате срочного кесарева, а этот мир, судя по всему, очень далек от современной медицины.

Отец, мелкий барон, быстро нашел новую партию и женился на богатой вдове. Так у девушки появилась мачеха, отвратительный сводный брат и большой план на ее собственную судьбу.

Юную баронессу с детства готовили к роли инструмента для увеличения влияния семьи. Когда Оливия подросла, ей стали ставить конкретные задачи. В большинстве своем они сводились к соблазнению нужных мужчин. Она получала через них информацию или организовывала компромат, который позволял отцу добиваться выгодных контрактов.

Надо ли говорить, что такая жизнь Оливию сломала? Она не обладала той натурой, которую от девушки ждала семья.

Сначала она послушно выполняла все требования, надеясь таким образом заслужить родительскую любовь. Чуть повзрослев поняла, что как бы она ни старалась, все доставалось исключительно младшей сестре Вивьен, родившейся в тот же год, когда отец повторно женился.

Оливия пыталась отстаивать хоть какие-то границы. Девушка выполняла все, что от нее требовалось, ровно до тех пор, пока мужчины, выбранные целями, не начинали пере-

ходить черту. Этого она не позволяла. И каждый раз получала наказание.

Родственнички морили ее голодом, избивали, но так, чтобы не нанести непоправимые увечья, затем давали восстановиться и все по новой.

Самое глубокое отвращение вызывал старший брат Оливии. Чертов психопат, который не гнушался даже домогаться собственной сестры, пускай даже не кровной. А рассказать она боялась, потому что знала — поверят ему, а не ей.

Не удивительно, что когда ее решили выдать замуж за человека, от помолвки с которым отказались уже десятки девушек из благородных семей Зендании, Оливия нашла единственный доступный ей выход.

Никто ее не убивал. Оливия Фарелл сама решила, что не станет больше выполнять требования семьи, пускай даже для нее это значило умереть.

И каким-то образом в ее теле оказалась я. В лучших традициях историй о попаданцах, которые мне доводилось почитать, чтобы расслабиться после работы. Только жизнью мою прервал не вездесущий грузовик-автомобиль, а банальный удар о бетонную плиту.

— Охренеть, — медленно произнесла я, уставившись в потолок.

«Хорошо, что я так и не успела завести кота» — промелькнула глупая мысль.

Кто бы тогда ухаживал за ним?

Умом я понимала, что нахожусь в состоянии шока, но поделать с ним ничего не могла.

Можно ли сказать, что оказаться в юном теле, у которого самые лучшие годы еще впереди, — хуже, чем смерть?

Не могу утверждать, что никогда не мечтала вернуть юность и при этом попасть в волшебную сказку. Но не в такую же!

И полагаю, что вариант «найти способ вернуться назад» мне самую малость не подходит. Я уверена, что тело Ольги Цветковой уже отвезли в бюро судебно-медицинской экспертизы, а оттуда ему дорога одна — на кладбище.

Кому знать, как ни мне?

Следовательно, придется адаптироваться здесь.

— Хочу домой, — прошептала я, вопреки логическим рассуждениям, и почувствовала, как из глаз потекли слезы.

Читать о попаданцах интересно. Оказаться на их месте — нет. Даже если речь о втором шансе на жизнь. Теперь я знаю это точно.

Воронку отчаяния, в которую меня начало затягивать, разрушил тихий скрип двери и звук шагов.

— Вы посмотрите на нее, — ядовито произнес брат Оливии. — Очнулась и уже ревет. Что за концерт ты устроила перед дияром?

Он шагнул ближе, и я невольно сжалась, боясь пошевелиться. Запах его парфюма, тяжелый и пряный, ударил в ноздри, вызывая приступ тошноты.

— Думала, если притворишься мертвой, то все само рассосется? — Ренар наклонился, и я увидела блеск его глаз, холодный и издевательский. — Ну давай, расскажи нам, какая ты несчастная. Может, даже заплачу от умиления.

Тело Оливии отреагировало бессознательной дрожью. Кажется, даже волосы на затылке встали дыбом. Она боялась своего брата до потери пульса.

— Оставь ее в покое, — осадил брата другой голос, знакомый до ноющей боли в груди, бередящий рану, которая никогда полностью не заживет. — Давай выслушаем, что она скажет.

Ренар резко рванул меня за локоть, заставляя приподняться.

И я тут же увидела его.

Папа.

Лицо с портрета, который давно покрылся пылью на полке в пустой квартире, того, кого я провожала в последний путь с невыплаканными слезами и несказанными словами.

Живой.

Не мой.

Светло-каштановые волосы чуть вьются, такие же ореховые глаза, как и у меня, опутывает легкая сеточка морщин, ничуть его не портивших. Я знала даже, что улыбка на этом лице рождает очаровательные ямочки на щеках, делая его уютным и добрым.

Таким, каким лицо просто не могло быть у человека, сто-

явшего напротив меня.

— Итак? — спросил он с холодной жесткостью. — Что произошло на ужине, Оливия?

Глава 3

Несколько мгновений мне понадобилось, чтобы осознать, что человек с лицом моего отца не является им. И хотя знакомые черты отзывались болью в груди, щемящей тоской по давно утраченному, адреналин хлынул в кровь, заставив собраться с мыслями:

— Я... не знаю, что произошло. Думаю, меня отравили.

— Из ума выжила? — с отвратительной сладостью в голосе поинтересовался Ренар. — Никто из нас не стал бы тебя травить. Признайся, что хотела слиться.

Брат скрестил руки на груди и одним движением откинул темную прядь волос со лба.

Ублюдок был привлекателен, и кажется, прекрасно это осознавал, что придавало его виду еще больше надменности.

Высокие, резко очерченные скулы, прямой аристократический нос, тонкие губы, вечно изогнутые в насмешливой полуулыбке. И темные карие глаза, которые никогда не излучали тепла. Сейчас в них плескалось злорадное удовольствие, смешанное с презрением и чувством собственного превосходства.

Смешно. Я-то знала, что под слоем кожи и мышц мы все примерно одинаковы.

Оливия его боялась. Во мне же неизбежно заклокотало ответное презрение и ненависть к этому человеку.

— Может, именно ты отравил меня? — оскалилась я. — Не захотел делиться тем, что считаешь своим?

Глаза Ренара расширились. Он знал, что его сестра никогда даже не намекнет перед отцом на то, какие виды брат на нее имеет. И не привык видеть в ее глазах ничего, кроме страха и отчаяния.

Однако отец будто бы пропустил мою подколку мимо ушей. Подозреваю, для него эта «тайна» секретом никогда не была.

— Сейчас гораздо важнее решить, как мы будем расхлебывать последствия твоей выходки, — мрачно произнес он. — Дияр не согласился остаться в поместье на ночь, но придет завтра вечером. Мы снова поужинаем, Оливия. И ты поедешь с ним согласно договору. И если хоть что-то пойдет не по плану в этот раз, ты знаешь, что тебя ждет.

Оливия действительно знала. В памяти всплыло видение одного из последних разговоров с отцом.

Репутация юной баронессы оказалась не просто растоптана — уничтожена до основания. Все знали, зачем и как использует свою дочь старый барон, и никто больше не желал попадаться в эту ловушку.

Договоренность о браке Оливии уже почти заключили. Она должна была выйти замуж за делового партнера отца — молодого графа Корвина Варинтона, и принести тем самым семье огромные прибыли напоследок.

Только вот, несмотря на сравнительно юный возраст суже-

ного, женой она стала бы четвертой по счету. Предыдущие три умерли при загадочных обстоятельствах.

На счастье девушки, если так вообще можно выразиться в сложившихся обстоятельствах, нашелся более выгодный для баронства способ использовать ее.

Империя уже который год налаживала дипломатические отношения с Конклавом — небольшим государством, которым управляет не династия, а несколько так называемых дияров. Уникальный случай для исключительно монархического строя на континенте.

Как я поняла, страна образовалась пару столетий назад. Ее основали изгои, перебравшиеся в никому не принадлежавшие мрачные земли в результате повсеместных гонений.

А несколько лет назад что-то произошло, из ряда вон выходящее, но Оливия не знала подробностей. Вроде, в тех событиях оказалась замешана наследная принцесса, но в женских газетах писали больше о ее нарядах, чем о происходящем. В том числе о свадебном платье, потому как она вышла замуж за одного из дияров.

И конечно, когда все поняли, куда дует ветер, многие захотели увидеть кого-то из членов Конклава в своем семейном древе. Правда, предложения стал принимать только один дияр, Оливия не понимала почему, зато я догадывалась.

Условием для подтверждения помолвки стал месяц, проведенный в резиденции дияра, якобы для более близкого

знакомства с невестой. Эдакий испытательный срок.

По факту никто не провел там больше двух дней. Полагаю, девушек просто запугивали, и таким образом избавлялись от навязчивых амбиций зендарийской знати.

Мне предстояло стать одной из таких «невест». Не то чтобы барон страстно желал породниться с дияром, не того мы полета птицы для извлечения из этого полноценной выгоды, но свой интерес имел.

Насколько я поняла, речь шла о некоем расследовании, которое проводил потенциальный муж. Моей задачей было соблазнить его и добыть подробности, всю возможную информацию об этом деле.

Оливия же пришла к выводу, что один вариант не лучше другого, и решила выйти из игры тем способом, который был ей доступен.

Зря. Бедная девочка.

— Отец, — холодно произнесла я, с трудом сдерживая все презрение, что испытывала по отношению к человеку с лицом моего папы, — вам не стоит переживать. Не знаю, что произошло сегодня, но обещаю, что больше не подведу.

Сейчас мне понятно одно. С женихом еще есть перспектива договориться. С этой гадкой семейкой — точно нет. И перво-наперво нужно выбраться из их змеиного гнезда, а дальше уже смотреть по обстоятельствам.

Барон удивленно вскинул кустистые брови.

— Ты, наконец, взялась за ум? — спросил он. — Очень

хорошо, Оливия. Если ты справишься, обещаю, что мы не станем подтверждать помолвку с дияром и найдем тебе хорошего мужа. Но ты должна постараться.

Вот как. Видимо, информация нужна барону позарез, раз он даже решил и без того послушную дочь пряником поманить.

— Хорошо, — кивнула я, изобразив восторг от открывшихся перспектив. — Я сделаю все, что от меня требуется.

Отец прищурился, явно пытаюсь уловить подвох. Но я держала лицо: ровная осанка, спокойный взгляд, ни малейшего дрожания в пальцах.

Пусть думает, что по-прежнему управляет дочерью. Пусть верит, что Оливия действительно готова постараться как никогда ради сомнительной подачи.

Ренар, до этого молча наблюдавший за диалогом, вдруг шагнул вперед.

— Смотри не переиграй, — прошипел он, наклонившись так близко, что я почувствовала запах жевательной мяты. — Если он поймет зачем ты приехала в резиденцию, пострадает не только твоя жалкая шкура.

Я медленно повернула к нему голову. Внутри все кипело, но на губах расцвела кроткая улыбка.

— Брат, — проговорила я с притворной покорностью, — разве я осмелюсь? Я не хочу выходить замуж ни за дияра, ни за графа Варинтона. Я сделаю все, чтобы вы с отцом остались мной довольны.

Глаза Ренара сузились. Он не верил. И правильно — не стоило.

— Вот и отлично, — старый барон деловито хлопнул в ладони. — Завтра вечером дияр приедет. Ты будешь вежлива, внимательна и очаровательна. Покажешь, что достойна стать частью его дома.

«Стану» — мысленно усмехнулась я. — *«Но совсем не так, как ты рассчитываешь».*

Потому что я — не Оливия. И меня использовать как ее не получится.

Глава 4

Прислуга в родовом поместье изрядно похлопотала, чтобы привести меня в приличный вид к следующему вечеру.

Весь день меня поили сомнительными травяными настоями, хорошо кормили, обеспечили покой, а ближе к вечеру намыли, одели в роскошное зеленое платье, деликатно уложили волосы и даже нанесли макияж.

Слишком вульгарный, как по мне, глаза так точно не стоило так густо подчеркивать темными тенями, но возражать я не стала, побоялась прозвучать подозрительно.

Не знаю, что из перечисленного сработало лучше всего, но к ужину я и правда стала выглядеть очень неплохо. Даже не знала, что у моего тела такой потенциал при должном обращении.

Из зеркала на меня смотрела настоящая красавица. Такая, какой я себя никогда не видела.

Плавные линии скул подчеркнуты легким румянцем, роскошная копна волос, блеск глаз, который в моей жизни скрывала сначала усталость от учебы, а затем и от ночных дежурств.

Все это принадлежало не Ольге, которая годами проводила вскрытия в стерильных секционных, в жизни которой практичность всегда подсказывала, где стоит уступить красоте.

Может, и прав был бывший муж, когда говорил, что работа убивает во мне женщину?

Впрочем, теперь все это в прошлом.

Когда я вошла в столовую, разговор за столом резко оборвался. Отец и Ренар разом повернули головы в мою сторону.

Мачеху с сестрой в этот раз, судя по всему, не стали приглашать.

— Оливия, — отец кивнул, указывая на место рядом с собой. — Ты выглядишь... достойно.

Прелестно. Не спросил даже о моем самочувствии.

Ренар скользнул по мне взглядом, в котором читалось нескрываемое раздражение.

— Да, сегодня ты особенно хороша, — процедил он сквозь зубы, растягивая слова. — Надеюсь, ты не забудешь, с какой целью так тщательно прихорашивалась.

Я повернулась к нему с улыбкой, за которой прятался оскал:

— Конечно, Ренар. Захочу забыть — не смогу.

Его глаза сузились, но сказать брат уже ничего не успел, потому как двери распахнулись и в обеденную вошел мой жених.

Честно говоря, несмотря на избалованность современного человека, на которого со всех экранов бесконечно смотрят идеальные лица, принадлежащие не менее идеальным телам, я все равно на мгновение обомлела.

Мужчина выглядел не просто привлекательно, он оказался откровенно красив.

Кислая мина на лице Ренара говорила о том, что брат тоже понимал, что на фоне дяря даже он выглядит бледной молюю.

Хотя бледным здесь был как раз потенциальный муж. Высокий, с безупречной осанкой, он возвышался посреди обеденной снежным изваянием. Такое впечатление производило сочетание очень светлой кожи, пронзительных серых глаз и совершенно седых волос.

Крупные черты лица, казалось, не должны были выглядеть красиво, но на его лице сочетались так гармонично, что не портили общий вид, а делали его харáктерным.

Даже едва заметное искривление переносицы, явно след давней травмы, скорее придавало этому лицу жизни, не делая его хуже.

— Дяря Ноймарк, прошу, присаживайтесь, — отец растянул губы в улыбке, полной фальшивого благодушия. — Мы так рады, что вы любезно закрыли глаза на вчерашний инцидент.

Гость пассажи отца проигнорировал. Он скользнул по мне внимательным взглядом, в котором, к сожалению, я не прочла ни восхищения, ни интереса, ни вообще чего-либо человеческого.

Какая жалость.

Я уж было подумала, что с таким женихом идея выйти за-

муж не кажется столь ужасной.

— Вижу, вы в полном здравии, барышня, — кивнул он мне.

Его голос оказался ниже, чем я ожидала. Густой, с богатыми оттенками тембра, чуть приглушенный, будто он редко говорил вслух или намеренно сдерживал силу звука.

Я чуть склонила голову в ответ.

— Благодарю, я действительно чувствую себя лучше.

Ноймарк не сел, даже не приблизился к столу. Его взгляд скользнул по сервировке, по лицам отца и Ренара, затем снова вернулся ко мне.

— Я не намерен задерживаться, — произнес он без предисловий. — Скажите, готовы ли вещи баронессы? Я планирую отбыть в резиденцию немедленно.

В столовой повисла оглушительная тишина. Даже слуги, замершие у стен, будто перестали дышать.

Мало того, что дияр, как подсказывала память Оливии, обратился ко мне неподобающе, опустив титул, он еще и нанес оскорбление хозяину дома своим отказом разделить с ним трапезу.

Отец резко выпрямился, на лице его проступила смесь растерянности и раздражения:

— Но, дияр, мы рассчитывали на ужин, должны были обсудить детали помолвки...

— Обсудим, когда будет что обсуждать, — холодно перебил Ноймарк. — Через месяц. Сейчас же я предпочитаю не

терять ни минуты.

Ренар не сдержался, его губы искривились в злой усмешке:

— Вы так спешите увезти невесту, будто боитесь, что она передумает.

Дияр повернул голову к брату с такой неспешностью, что тот невольно сглотнул. Один взгляд, и Ренар отступил на полшага, будто почувствовал невидимое давление.

— Считаете, что этот брак больше всех нужен мне? — Ноймарк вскинул белесую бровь.

С громким стуком я опустила бокал на стол, привлекая всеобщее внимание и уничтожая назревающий конфликт на корню.

— Мои вещи собрали еще вчера, — произнесла я, поднимаясь. Голос звучал ровно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Я готова ехать.

Я сложила губы в самую очаровательную улыбку, на которую была способна, отыгрывая роль заинтересованной невесты. Ноймарк же только коротко кивнул, будто иного ответа и не ждал.

— Хорошо. Тогда не будем задерживаться.

Дияр первым направился к выходу, а я бросила быстрый взгляд на отца. Тот сидел с побелевшим лицом, явно пытаюсь сообразить, как обернуть внезапный поворот в свою пользу. Ренар же смотрел мне вслед с такой ненавистью, что я почти ощутила холод его взгляда спиной.

Вечер встретил нас приятной прохладой. Оба экипажа — мой и дияра, уже ждали перед крыльцом. Возле них суетились слуги, перетаскивая сундуки, один из лакеев торопливо крепил на задней части экипажа дорожный фонарь.

Пришлось подождать, пока все вещи погрузят, и зачем-то заменят моих лошадей. Все это время Ноймарк даже не смотрел на меня, лишь раз скользнув равнодушным взглядом.

Да уж, с чем, а с окружением Оливии и правда критически не везло. Даже жених в итоге смотрел на нее как на нечто среднее между человеком и жуком.

Будь мне в самом деле чуть за двадцать, я, может, и повелась бы на «Ах, он так мрачен и красив!» Но опыт подсказывал: не факт, что даже договориться о сотрудничестве с этим человеком получится. А уж в романтическую сторону не то что смотреть, даже дышать не надо.

Я с удовольствием вдохнула стылый вечерний воздух. В нем смешались запахи свежескошенной травы, влажной земли и далекого дыма.

Когда пришло время отправляться, я поймала себя на невыразимом облегчении. Экипаж тронулся, поместье стало удаляться, и с каждым поворотом дороги, с каждым шагом лошадей внутри крепла уверенность, что мне удастся справиться с чем угодно.

Главное, чтобы чудо-семейка оставалась подальше.

Теперь все будет по-другому, Оливия, пускай ты этого и

не увидишь. Для начала разберемся, почему от моего жениха так бодро сбегает невесты.

Глава 5

Ответ на вопрос, что не так с моим женихом, себя ждать не заставил. Все прояснилось в буквальном смысле на пороге.

Тишина, нарушаемая лишь скрипом колес да редким карканьем ворон, казалась почти осязаемой. Виды проносились перед глазами с такой скоростью, будто везла меня не пара лошадей, а самый настоящий автомобиль-малолитражка.

Что у них за монстры такие вместо приличных лошадок? И как сомнительная конструкция экипажа не разваливается от такой быстрой езды по грунтовой дороге? Очень странно.

Впрочем, в волшебном мире, полагаю, это не будет единственной удивительной вещью.

Местность и правда производила удручающее впечатление, оправдывая свое название «пустоши». Под низким серым небом простирались голые земли, лишь изредка разбавляемые странными, очень высокими, но лысыми деревьями. Их шапки набирали густоту ветвей только под самой макушкой.

Экипаж остановился на пустынной площади у массивных дубовых дверей резиденции — огромного мрачного здания, которое будто само собой выросло из суровой земли. Оно походило на нечто среднее между дворцом и крепостью, окруженное высокой стеной.

Я вышла, вдохнула прохладный воздух и невольно сжала пальцами край плаща.

Что-то здесь было *не так*. И дело не в промозглом шквальном ветре, рванувшем мои волосы и одежду.

На пороге стояла лишь одна горничная. Бледная, с бесцветными, будто выцветшими глазами, она склонилась в поклоне. Движения были плавными, почти механическими, а взгляд пустым и лишенным всяких эмоций.

— Добро пожаловать, дияр Ноймарк, — произнесла она так же бесцветно, как выглядела.

Молодую девушку можно было бы назвать если не красивой, то хорошенькой, но один взгляд на нее вызывал не симпатию, а какое-то странное предчувствие.

Посмотрев на Ноймарка я поняла, что тот сам за мной наблюдает. Не приглашает войти, не собирается говорить, но ждет моих действий.

Возможно, это разыгралась фантазия, но мне даже почудилось затаенное злорадство в светлой стали его глаз.

Я снова перевела взгляд на горничную и неуверенно произнесла:

— Добрый вечер?

Ноль реакции.

Девушка продолжила стоять в строгой вытянутой позе, смотря прямо перед собой.

Какой-то гипноз или вроде того?

Бросив еще один взгляд на жениха, и не найдя в нем ни-

каких ответов, я шагнула вперед и пару раз щелкнула пальцами перед лицом горничной.

Ничего.

Я щелкнула пальцами еще раз, затем поднесла раскрытую ладонь к глазам девушки и поводила из стороны в сторону.

Снова никакой реакции. Ни сужения зрачков, ни малейшего движения глазных яблок вслед за перемещающимся объектом.

Как так? Даже под глубоким гипнозом нервная система должна сохранять базовые рефлексy — роговичный, зрачковый, хотя бы минимальный ответ на внешние раздражители.

Меня пронзила догадка. Неясное ощущение, которое меня преследовало — это сугубо профессиональное предчувствие.

Когда работаешь с покойными, невольно на интуитивном уровне начинаешь безошибочно определять, глядя на бесчувственное тело — человек без сознания, умер или находится в состоянии, когда его уже невозможно спасти.

Быстро схватив девушку за руку, я сразу отметила, насколько та холодна, что уже в некоторой степени давало ответ, но все же попыталась нащупать пульс.

Он отсутствовал.

Не выпуская руку горничной из своих, я перевела взгляд на дияра и с изумлением произнесла:

— Так она же мертвая!

Ноймарк

Дияр с унынием наблюдал, как очередная благородная ле-
ди выбирается из экипажа и с опасением осматривается.

Он не раз говорил на заседаниях Конклава, как сильно
опостылела ему роль, придуманная сумасшедшей девицей,
вышедшей замуж за дияра Кассиана.

Видите ли, сейчас не выгодно отказывать имперской зна-
ти, и надо делать так, чтобы они сами переставали гореть
желанием добавить экзотический элемент в свое семейное
древо.

А что отпугнет юных барышень лучше, чем резиденция,
в которой трупов куда больше, чем живых людей?

В итоге Ноймарку пришлось взять на себя столь сомни-
тельную функцию. Другие дияры, может, и сочувствовали
ему втайне, но брать на себя такие обязательства, естествен-
но, никто не хотел.

Правда, в этот раз дело обстояло несколько иначе.

Мелкому барону Конклав мог бы отказать в брачных при-
тиязаниях без лишних сложностей, сославшись на разницу в
статусе. Однако, именно баронство Фарелл оказалось оче-
видно замешано в деле, которым дияр занимался.

Конклав развернул кампанию, по которой их люди ста-
ли переезжать в империю и занимать места в различных от-
раслях. Они не становились зендарийскими подданными, но
вот их дети, когда-нибудь рожденные от местных женщин —
могли бы. И через пару столетий никто и не вспомнил бы,

что когда-то единственным оплотом жизнетворчества оставались пустоши.

Однако полтора года назад в части Зендари, отданной под протекторат Ноймарка, переехавшие жизнетворцы стали бесследно пропадать.

И в то же время произошел небывалый взлет баронства, разбогатевшего настолько, что оно превратилось в крупнейшего игрока на арене морской торговли. На данный момент Фареллы владели половиной всех торговых судов империи.

Насколько знал Ноймарк, успехам отца немало поспособствовала юная баронесса, сейчас с опасением поглядывающая то на него, то на возвышающуюся громаду резиденции.

Многие обманулись невинностью миловидного личика и напускной кротостью Оливии Фарелл.

Впрочем, дияр понимал, что барышня могла быть не волком в овечьей шкуре, а только бездумной марионеткой в руках расчетливого отца. И собирался для начала это выяснить, потому как сколько бы ни велось расследование, никаких доказательств связи бурного роста баронства с пропажей людей не находилось.

Оливия могла стать как ключом к ценной информации, так и потенциальным союзником. Или же, доказательством вины барона, если Ноймарк прав, и невесту ему предложили для одной цели — выяснить, какие результаты принесло расследование, а может, и помешать ему.

Сейчас же он просто с ленивым интересом наблюдал за

сценой, которую видел десятки раз.

Дияр стоял чуть в стороне, скрестив на груди руки, и предлагая невесте самой разобраться, кто ее встречает. Он внимательно отмечал каждое ее движение, каждую мимолетную эмоцию на лице девушки.

Когда баронесса неуверенно поздоровалась с горничной и не получила ответа, Ноймарк едва сдержал усмешку. Он знал: никакой реакции не будет. Но ему было любопытно увидеть, как Оливия попытается найти объяснение, и как отреагирует, когда все поймет.

Большинство барышень не справлялись без подсказки дияра. Когда же понимали, что перед ними умертвие, чаще всего либо картинно падали в обморок, либо в ужас бежали к своему экипажу с криками об отмене помолвки. Самые стойкие и заинтересованные оставались в резиденции на пару дней, но не более того.

По тому, с каким интересом и решительностью Оливия ступила к горничной, Ноймарк сразу понял, что в этот раз все будет иначе.

То, как деловито и профессионально она стала щелкать пальцами перед лицом умертвия, проверять реакцию зрачков, уже напрягло его.

Баронесса не выглядела ни растерянной, ни испуганной и действовала так, будто точно знала, что проверяет и как это делать.

Яркие ореховые глаза на невинном, почти детском личике

широко распахнулись, и Оливия в догадке схватила умертвие за руку, сразу и безошибочно найдя место, где должен биться пульс.

Девушка перевела на дияра изумленный взгляд и ошеломленно констатировала:

— Так она же мертвая!

А затем сделала то, от чего Ноймарк втайне выпал в осадок, потому как не мог ничего подобного ожидать.

Изумление на миловидном лице баронессы сменилось... восторгом, и, пожалуй, чем-то вроде азарта.

Она словно забыла, где находится, и принялась осматривать умертвие с сосредоточенностью ученого, наткнувшегося на уникальный экземпляр.

— Потрясающе... — прошептала она, и в ее голосе не было ни тени страха, только чистый интерес исследователя. — Никаких признаков разложения. Мышцы сохраняют тонус, но нет ни кровообращения, ни нервной активности.

А затем Оливия замерла, будто очнувшись, и перевела затравленный взгляд на застывшего изваянием Ноймарка.

В глазах не просто читалось, огненными буквами горело «Ой!». Или какое-то слово покрепче.

— Какие неожиданные навыки у вас, барышня, и завидное хладнокровие, — произнес он, прищурившись и давая понять, что все подметил и сделал выводы.

Определенно, Оливия Фарелл не была просто красивой куклой под управлением семьи. Вопрос лишь в том, насколько

ко это понимал сам барон и как глубоко погружал дочь в дела.

Глава 6

Ольга

Оставшись одна в выделенной для меня спальне, я с шумным выдохом опустила в кресло у окна и прикрыла ладонью глаза.

— Твою мать... — обреченно прошептали губы.

Потенциальный муж оказался никем иным, как некромантом. Или как они тут называются?

И вряд ли даже в этом мире власть над мертвыми нечто обыденное, потому что невесты сбегали от перспективного жениха явно по этой причине. Он и от меня, очевидно, ждал подобной реакции.

И вместо того, чтобы трепетать от ужаса, как полагается нежной лани Оливии, я рефлекторно включила Ольгу Цветкову, которая при наличии необходимых инструментов и вскрытие провела бы с удовольствием.

С одной стороны, профессия моего жениха несколько упрощает дело. В каком-то смысле мы коллеги, и найти общий язык должно быть проще, чем казалось.

С другой, как теперь объяснить, почему такой цветочек, как юная баронесса, ведет себя непохоже на других кандидатов в жены дияра?

Не знаю, какой интерес у этого Ноймарка к помолвке, но он определенно есть и едва ли романтический или даже по-

литический. И дыяр вполне прозрачно намекнул, что благодаря своей глупости я теперь нахожусь под подозрением.

Только вот в чем? Он знает, что семья отправила меня добыть ценные сведения, или дело в другом?

Мне критически не хватало информации.

Доставшаяся в наследство память Оливии совершенно не помогала найти какие-то ниточки, которые позволят разобраться в ситуации.

Она знала, что мир поделен на житнетворцев, к которым принадлежал Ноймарк, магосозидателей и людей, родившихся без этих способностей, как и сама баронесса. Однако представление об этом имела самое общее, никто не занимался ее образованием как следует.

Знала, какие есть государства, но карта в голове представлялась крайне размытой.

Известно мне было и то, что несколько лет назад после непонятного инцидента с местной принцессой Конклав, объединяющий всех житнетворцев под своим крылом, начал экспансию на континент. И что сейчас ситуация в мире крайне нестабильная, вплоть до назревающего военного конфликта.

Однако, знания Оливии оказались настолько поверхностными, что хоть плачь. А вопросов у меня появилось крайне много.

Я открыла глаза и посмотрела на ту самую горничную, застывшую у порога в ожидании распоряжений.

— Ну что за подстава, — снова поморщилась я, сжав пальцами переносицу, и обратилась к умертвию, как назвал ее дияр: — Ты можешь отвести меня в библиотеку?

Утром мне предстояло отправиться на совместный завтрак с женихом, и неплохо бы поспать, но собрать хоть какие-то сведения важнее. Даже если придется не спать всю ночь.

Уж мне-то не привыкать.

— Прошу следовать за мной, — немного заторможено произнесла моя inferнальная подруга и медленно повернулась, открывая дверь.

Тяжело вздохнув, я встала и последовала за ней.

По крайней мере она делает, что просят, не задавая лишних вопросов. Хоть один плюс.

Всегда говорила, что с мертвыми гораздо проще иметь дело, чем с живыми людьми. В этом мире это утверждение обрело новый смысл.

Умертвие долго вела меня по мрачным коридорам резиденции, изредка нам попадались и другие слуги. Все они тоже не были живыми. Не удивительно, что молодые леди сбегали из этого места сверкая нежными пяточками.

Библиотека оказалась ровно такой, как я себе представляла. Необъятный зал с потолком, теряющимся в полумраке, многоярусные дубовые стеллажи, заваленные фолиантами в потрепанных кожаных переплетах с медными застежками, со свитками, перевязанными шелковыми шнурами, и

стопками пожелтевших рукописей.

— Ну конечно, ничего похожего на интернет здесь нет, — пробормотала я, подавив страдальческий вздох, а затем подумала, что «поисковик» тут вполне может быть.

Волшебный. Раз я додумалась до этой идеи, местные некроманты наверняка тоже?

— Принеси мне книги по географии, самые емкие и с картами, — попросила я горничную.

Ноль реакции.

— Кхм. Приведи того, кто сможет найти для меня нужные книги?

Умертвие резко крутанулось вокруг своей оси, заставив меня вздрогнуть, и быстро засеменило куда-то вглубь библиотеки.

А выплыло из рядов стеллажей обратно через пару минут, напару с немолодым мужчиной в очках. Тоже не вполне живым, поэтому последние ему недели, по всей видимости, для антуража.

С губ сорвался невольный смешок. Своеобразный у меня, все-таки, жених.

— Мне нужны книги по географии, — я повторила запрос, и подумав, что ходячие мертвые тоже достойны уважения ничуть не меньше, чем живые, добавила: — Пожалуйста.

— У нас имеется «Полное описание континентов и морей», составленное магистрами картографии в год трех затмений... — проскрипело умертвие. — «Путеводитель па-

ломника через семь хребтов»...

— Стоп, я конкретизирую. Мне нужна пара книг с самой емкой информацией о географии мира и картами. Также они должны включать не только современные данные, но и историю.

Мужчина на несколько секунд завис, а затем так же резко, как и горничная, развернулся и отправился выполнять мой запрос.

— Почти голосовой помощник, — улыбнулась я ему вслед.

Следующие несколько часов прошли тяжело, но продуктивно.

К сожалению, древних карт местные не составляли, скорее всего, просто не знали, как получить эту информацию, а современные континенты выглядели иначе. Но в их очертаниях все-таки угадывалась древняя Пангея.

Так что, мне все же удалось подтвердить свою догадку, что мир, в котором я оказалась — все та же планета Земля. По всей видимости, какое-то альтернативное измерение или вроде того.

Понятно теперь, почему Оливия так похожа на Ольгу, мы с ней в каком-то смысле — один и тот же человек.

«Волшебство» же, после беглого ознакомления с несколькими книгами, показалось мне в итоге не таким волшебным, как виделось на первый взгляд.

Насколько я поняла, магосозидатели — это что-то вроде

программистов, которые не могут писать код реальности, но способны его править и настраивать. Разумеется, в очень узких границах, и главное, что взаимодействуют они только с неживой материей.

Что касается жизнетворцев, те больше похожи на эдаких операторов живых организмов, они не работают ни с какими кодами и параметрами, но могут менять свойства материи каким-то более нативным способом. Такие биоинженеры, своего рода.

Тех, кто избирался на пост дияра, другие члены Конклава целенаправленно прокачивали до какого-то невообразимого уровня по определенной специализации, до которого самостоятельно ни один жизнетворец добраться не мог.

Мне вот в женихи достался дияр, специализирующийся на мертвой материи. Знал бы кто-нибудь, как это иронично.

Природа сил что магосозидателей, что жизнетворцев оставалась не слишком ясной.

Мне пришла в голову мысль, что так могла подшутить эволюция, в результате чего местные смогли взаимодействовать с чем-то, в нашем представлении похожим на магию.

Пресловутые темная энергия и материя? Ответа не нашлось.

В целом, не так уж и важно.

А вот другой момент не давал мне покоя. Если реальности существуют параллельно, и факт нашего с Оливией рождения совпадает, сейчас должен быть примерно тот же год,

что и на моей Земле.

Почему тогда, при таких огромных возможностях, этот мир застрял где-то между восемнадцатым и девятнадцатым веком? Нет, тут даже аналогов паровых машин, судя по всему нет.

Ответ обнаружился в исторических сводках, и оказался до смешного простым. У них все шло слишком хорошо.

Никаких природных катаклизмов и масштабных войн. Мелочи вроде неурожайных лет и различных междоусобиц не в счет. Из серьезных потрясений разве что гонения житнетворцев двести лет назад, в результате которых и образовался Конклав.

Иными словами, не происходило ничего из того, что в нашем мире выступало основным катализатором для прогресса на ранних этапах развития цивилизации. Да и многие потребности вместо науки закрывали сверхъестественные возможности местных.

Устало хохотнув, я захлопнула книгу и решила, что на сегодня достаточно.

— Забавное решение парадокса Ферми, — сказала я пустой библиотеке и потянулась.

Это только мое предположение, но было бы и правда комично, если ответ на простой вопрос ученого: «А где, собственно, все?» оказался таким.

Если бы жизнь и правда существовала только на одной планете во всей Вселенной, но в бесконечном разнообразии

измерений. Тогда все поиски в нашем космосе оказались бы совершенно бессмысленны.

Впрочем, и эту догадку достоверно подтвердить я не могла. Потому решила пойти и доспать оставшиеся до завтрака с дияром несколько часов.

Глава 7

Пробуждение принесло очередное разочарование. Втайне я надеялась увидеть родную квартиру или хотя бы потолок больничной палаты, но вокруг все так же оставалась выделенная мне спальня в резиденции дияра.

Проснувшись, я первым делом направилась в туалетную комнату, просторную, с массивным каменным бассейном, вмонтированным в пол. Вода подавалась по медным трубам, и стоило повернуть резной вентиль, как из крана хлынул горячий поток, наполняя помещение паром и уютным шумом.

— Обнадеживает, что трубопровод они все-таки изобрели, — пробормотала я и с наслаждением погрузилась в воду, чувствуя, как напряжение уходит из мышц.

Теплота обволакивала, смывая остатки тревожного сна, а мягкий свет странных ламп, отраженный в полированных плитах, создавал почти успокаивающую атмосферу.

Казалось даже, что еще чуть-чуть, и все вокруг растворится, обнажив привычный и знакомый мне современный Петербург.

Но стоило выбраться из воды и подойти к полочкам с местными средствами ухода, как иллюзия растаяла. Ряды баночек, пузырьков и шкатулок с замысловатыми символами поставили меня в тупик: ни названий, ни понятных обозначений, ни даже намека на то, что из этого крем, а что —

средство для волос.

Повертев в руках один сосуд и понюхав его содержимое, я вздохнула и позвала горничную. Та появилась бесшумно, застыла в почтительном полупоклоне.

— Помогите с этим разобраться, пожалуйста.

Умертвие с удивительной точностью выбрало несколько баночек и флаконов, и объяснило, что для чего предназначено.

Я словила себя на очередном ощущении нереальности происходящего.

Вскоре с банными процедурами было покончено, и примерно через час я уже была причесана, одета и вообще полностью готова к первому основательному разговору с женихом.

Горничная сообщила, что готова проводить меня, и не дожидаясь ответной реакции, бодро зашагала к выходу из комнаты.

Разумеется, я последовала за ней.

Для себя я наметила несколько важных моментов, которые стоило прояснить в первую очередь.

Во-первых, не является ли потенциальный благоверный чокнутым психопатом. Я не сразу поняла, что именно меня смущает, а затем осознала — большинство слуг оказались не только мертвы, но еще и весьма молоды. Каждый из них умер откровенно не своей смертью, вопрос лишь в том — намеренно или по стечению трагических обстоятельств.

Второй момент заключался в необходимости выяснить, какую роль для меня предусмотрел некромант, и зачем вообще согласился на помолвку с дочерью крайне состоятельного, но все-таки баронства.

Интуиция подсказывала, что дияр очень даже догадывается, зачем в его резиденцию отправили Оливию, но цели как можно быстрее меня спровадить, как остальных невест, будто бы не имеет. Во всяком случае, намеренных актов устрашения я пока не наблюдала.

Значит, хочет использовать? Но каким образом?

От этого зависело, как буду действовать я сама. Конечно же, шпионить для семьи мне однозначно не с руки, но что будет, если просто сдать их дияру?

Допустим, с моей помощью он уничтожит семейство Фарелл, что тогда будет с Оливией? Пойдет под суд с любимыми родственничками? А если и нет, останется в не слишком дружелюбном к ней мире без имущества, опоры и даже репутации?

Попаданцы в прочитанных мной книгах, как правило, находили способ превратиться в коммерсантов. Кто мир моды сотрясал, кто открывал чудеса технического прогресса и тому подобное.

Только вот я им в подметки не годилась, ни в женских штучках настолько не разбиралась, ни инженерными знаниями и навыками похвастать не могла. И вообще торговать никогда не умела.

Что может предложить магическому миру патологоанатом с любовью к научно-популярному контенту?

Пилу Джильи «изобрести»? Судя по специализации моего жениха тут и без меня прекрасно справились, и об анатомии имеют более чем хорошее представление.

Вот про кесарево сечение, например, тут как раз явно не слышали, раз мать Оливии умерла в родах. Ну так и я, конечно, врач, но самую малость не такой.

Воспользоваться эрудицией и рассказать о том, что наша Вселенная расширяется и как это происходит? Занимательно, бездоказательно с местным уровнем науки, а главное — не монетизируемо.

В общем, успешный успех как в родном мире мне не светил, так и в этом.

Самым логичным виделось обучиться какому-то простому ремеслу, и жить спокойную тихую жизнь, к какой я, в общем-то, будучи Ольгой Цветковой привыкла. Где-нибудь подальше от места, где Оливию знали в лицо, и в идеале с новой личностью.

Полагаю, для жениха помочь мне с таким планом не должно стать проблемой. Если только он окажется адекватным, а я действительно найду что предложить взамен.

Значит, на данном этапе отыгрываем Оливию, выясняем как можно больше деталей и обстоятельств, смотрим по ситуации.

Осталось только вжиться в роль молодой светской кокет-

ки, но не слишком увлекаться, чтобы не навести дияра на ненужные мысли, что баронесса вообще-то и правда хороша собой.

Звучало стройно. План надежный, как швейцарские часы.

Если не брать во внимание, что с моделью поведения очаровательной обольстительницы я не то что на «вы», а на «простите, извините, это как?»

Да и нежная барышня, трепещущая при виде умертвий, из меня получилась не очень на самом старте.

Поток мыслей прервала горничная, остановившаяся у лаконичных двустворчатых дверей. Она коротко поклонилась, встала спиной к стене и застыла, уставившись прямо перед собой.

Я на мгновение замерла, сделала глубокий вдох и уверенно толкнула створки дверей.

За порогом оказалась никакая не огромная столовая, как в особняке Оливии, а небольшая комната без лишней мебели. Минимум обстановки, стол на четыре персоны, накрытый с нарочитой простотой, и тяжелые шторы, приглушающие утренний свет.

Жених уже ждал. Он не поднялся при моем появлении, не произнес приветствия, только холодные серые глаза внимательно следили за мной, пока я подходила к столу.

Немного поколебавшись, я заняла место напротив, где стояли предназначенные мне тарелка и приборы.

Так. Светская кокетка. Нежная роза.

— Доброго утра? — неуверенно проблеяла я, улыбаясь и часто хлопая ресницами.

Дияр едва заметно приподнял белесую бровь, явно не оценив мою неловкую попытку вести себя очаровательно. Он медленно отложил салфетку, которую до этого аккуратно раскладывал, и произнес:

— Оно было бы добрым, если бы мне не пришлось вас так долго ждать, барышня.

Прекрасно.

Психопат или нет, но обвинять девушку в опоздании, не назначив конкретного времени, — уже говорит о многом. Даже если он уверен, что та имеет не слишком чистые намерения.

Подавив раздражение, я снова мило улыбнулась и запровила выбившуюся из прически прядь за ухо.

— Простите, мне хотелось предстать перед женихом в самом лучшем виде в наше первое совместное утро.

Ноймарк смерил меня изучающим взглядом, задержавшись на провокационном вырезе платья. Других у Оливии в гардеробе, к сожалению, не водилось.

— В самом лучшем виде, — повторил он, и в его тоне проскользнула едва уловимая насмешка. — Отчего же вы решили, что «самое лучшее» должно явиться ко мне к полудню?

Я искренне постаралась не дать улыбке превратиться в раздраженный оскал.

— Прошу прощения, вы не назначили конкретного време-

ни, — процедила я. — Моя семья всегда завтракает в одиннадцатый.

И ведь даже не пришлось ничего придумывать. Фареллы правда жили в лучших традициях аристократии и не утруждали себя ранними подъемами.

— Привычки сложно менять, — с притворным пониманием кивнул Ноймарк, наливая нам чай. — Особенно если они маскируют иные занятия.

Я подняла брови, изображая невинное недоумение:

— Иные занятия?

— Например, ночные прогулки по библиотеке. — Его голос остался ровным, но глаза сверкнули. — Вы ведь там были, не так ли?

Сердце нервно пропустило удар. Конечно, он в курсе. Но я напомнила себе, что в чтении книг нет ничего криминального, и заставила себя легкомысленно рассмеяться.

— Ах, библиотека! Признаюсь, не удержалась. У вас потрясающая коллекция, а я всегда любила читать.

— Да вы что, — дияр чуть склонил голову и ухватился за меня цепким взглядом. — Должен сказать, что и область интересов у вас весьма необычная. Страсть к географии и истории в вас тоже была всегда?

Твою же ж матушку. Ну что за въедливый тип?

— Именно так, — я натянуто улыбнулась и принялась отрезать кусочек яичницы с каким-то подкопченным мясом. — Надеюсь, любовь будущей супруги к наукам вас не отпугнет.

Было интересно посмотреть, отличается ли взгляд на некоторые вещи в Конклаве.

Надеясь таким образом закончить неудобный разговор, я отправила нехитрый завтрак в рот и чуть прикрыла глаза, прислушиваясь к вкусовым ощущениям.

— Очень вкусно! — вынесла я вердикт. — У вас прекрасный повар.

— Да, согласен, — легко принял смену темы дияр, а затем снова прищурился. — Совсем недавно умер.

Мгновение понадобилось, чтобы понять, что Оливию этот факт должен бы смутить.

Демонстративно уставившись в тарелку, я неуверенно произнесла:

— О, как это... негигиенично?

А сама вспомнила, как приходилось порой обедать сразу после работы с секционным материалом. Разумеется, сменив одежду и тщательно вымыв и продезинфицировав руки, но все же.

К тому же, с учетом того, что умертвия явно не подвержены разложению, их работа как раз могла быть куда более гигиеничной, чем живого человека.

— Барышня, — Ноймарк прищурился, — я ведь не дурак. Прекрасно вижу, что вас ничуть не смутил этот факт. Равно как и общение с горничной и библиотечным умертвием.

Я поперхнулась чаем, который решила отпить, чтобы скрыть растерянность.

Ладно. Нежная роза из меня как металлург из балерины. Попробуем бессмертную стратегию «я не такая как все».

Демонстративно тяжело вздохнув, я прямо посмотрела в серые внимательные глаза, и решительно произнесла:

— Дияр, давайте на чистоту?

##Дамы, поздравляю всех с 8 марта! ## Желаю всем своим читательницам головокружительной любви, семейного и личного счастья (будем вместе с Ольгой смотреть, как достичь и того, и другого ##), и побольше интересных историй, которые добавляют в нашу жизнь красок.

По случаю праздника написала для вас сразу две главы! Если история вам нравится, поддержите ее в комментариях ♥#

Глава 8

Ноймарк, не отрывая от меня взгляда, медленно поднял чашку, сделал глоток и так же неторопливо поставил ее обратно.

— Не верю, что Оливия Фарелл на это способна, но можете попробовать, — усмехнулся он.

Если у меня и были надежды легко выстроить некий союз с этим человеком, то в этот момент они разбились в пух и прах.

Дияр даже не пытался скрывать, что видит в Оливии исключительно корыстный интерес баронства, и доверять ей не будет, как ни хлопай ресничками.

— Мне жаль, что вы такого мнения обо мне, но в целом понимаю, — я поджала губы. — Репутация у меня не лучшая — это факт. Однако, вы должны понимать, что люди не всегда поступают так, как сами того хотят.

— Хотите сказать, что вы из их числа? — хмыкнул дияр.

— Мы все из их числа, — уверенно ответила я, чуть вскинув подбородок. — Я тоже не дура, дияр, и вижу, что не вызываю у вас симпатии. Скажу честно, это взаимно. Однако, мы почти помолвлены. Давайте хотя бы попробуем сделать так, чтобы общество друг друга как минимум не доставляло нам взаимных неудобств?

— Боюсь, опыт ваших предшественниц показал, что все

это место, — он неопределенно обвел взглядом комнату, — одно сплошное неудобство, а я — главное из них.

Я прищурилась.

— Если речь о специфичности вашей работы, то чуть ранее вы верно заметили — меня она не пугает. Но я видела, что вы ждете определенной реакции, и старалась оправдать ожидания, чтобы вам понравиться. Вижу, что зря.

— Поверьте, вы не будете рады, если сумеете мне понравиться, — произнес Ноймарк с холодной усмешкой, и по тому, как его зрачки на миг расширились, а взгляд стал острым, словно лезвие, я сразу поняла, что так оно и есть.

Нечто внутри невольно дрогнуло.

Будь мы в моем мире, скажем, на свидании в ресторане, я бы точно поблагодарила его за честность, оплатила счет и с легкой душой поехала домой. Потому как давно вышла из того возраста, в котором могла бы найти в словах дияра что-то будоражащее.

Однако, мы сидели не в ресторане, да и не на свидании, поэтому пришлось сказать совсем не то, что хотелось:

— Мне кажется, вы себя недооцениваете, — я чуть подавалась вперед, стараясь звучать доверительно. — Уверена, что со мной вы сможете найти общий язык.

Ноймарк не сдвинулся с места, лишь чуть наклонился вперед, сокращая расстояние между нами. Его взгляд, тяжелый и пристальный, скользнул по моему лицу и задержался на губах.

Смотрел он так, что я невольно сжала пальцами вилку, чувствуя, как все внутри сжимается в тугий узел.

Затем дияр медленно, почти лениво, протянул руку через стол, и я вздрогнула, но не отстранилась, застыв, как кролик перед удавом.

Кончики его пальцев едва коснулись моей кисти. Легкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже побежали мурашки. Он не сжал руку, не потянул к себе, просто провел большим пальцем по тыльной стороне запястья.

Сердце забилося с лихорадочностью, близкой к тахикардии. Так, как я уже забыла, что оно вообще может биться.

— Подумайте дважды, барышня, — произнес Ноймарк, отводя руку. — Как именно вы хотите найти со мной общий язык.

Дияр откинулся на спинку кресла, словно ничего не произошло. Его лицо вновь стало непроницаемым, ни тени того странного, почти гипнотического внимания, что только что сковало меня по рукам и ногам.

Я с трудом сглотнула, пытаюсь вернуть голос.

— Почему вы так враждебно настроены ко мне?

— У меня достаточно причин, — не стал отрицать очевидного жених. — Не питайте иллюзий, я не заинтересован в браке ни с вами, ни с любой другой зендайрикой.

Короткой паузы мне хватило, чтобы вернуть самообладание.

Хорошо.

Раз он так, то и я не буду играть ни в светскую любезность, ни в святое неведение.

— Думаете, я этого и правда не понимаю? Очевидно ведь, что вы играете роль пугала для благородных девиц, которых аристократы со всех уголков империи отчаянно пытаются подсунуть Конклаву.

Ноймарк изумленно вскинул брови, на мгновение его высокомерная отстраненность дала трещину.

— Вы могли бы объяснить, чем занимаетесь, подготовить, прежде чем предоставлять благородной леди самой обнаружить, что в потенциальном новом доме ее встречает ходячий труп, — холодно продолжила я. — Отмечаете, что еду, которую она ест, готовил тоже не живой человек, хотя в том не было необходимости. И сами ведете себя так, чтобы создать образ человека, с которым лучше не связываться. Готова поспорить на что угодно, мои, как вы выразились, предшественницы столкнулись ровно с тем же самым.

Дияр мгновение помедлил, а затем вдруг широко улыбнулся, но так, что я невольно вздрогнула.

— На самом деле, до вас, барышня, мне не приходилось прилагать особых усилий, чтобы произвести впечатление, о котором вы говорите. Первых пунктов всегда было достаточно. Но знаете, — он хищно подался вперед, — я и сейчас не то чтобы стараюсь.

Сглотнув, я решила рискнуть и изо всех сил постаралась принять скупающий вид.

— Да-да, вы определенно не тот человек, с которым здравомыслящая женщина захочет связать себя узами брака, — демонстративно посмотрев, насколько красив мой маникюр, я вновь перевела взгляд на мужчину. — Так может, не будем ломать комедию, и вы просто откажетесь от помолвки? Приношу извинения, но я, как другие невесты, сама отказаться не смогу. Семья мне этого не простит.

Разумеется, это был блеф и крайне опасный для меня.

Жених оказался хуже, чем я надеялась, но даже он мерк на фоне семейства Фарелл. Дияр по крайней мере не имел надо мной законной власти.

Ноймарк же изменился в лице, внимательный взгляд стал задумчивым. Он смотрел на меня, и будто заново оценивал.

— Придется вам потерпеть мое общество, барышня, — произнес он наконец. — Ешьте, все давно остыло.

Глава 9

Ноймарк

С момента прибытия очередной невесты прошло четыре дня. Оливия Фарелл уже продержалась дольше, чем все девушки до нее.

И как бы Ноймарк ни отрицал в диалогах с собой, он был заинтригован ею. С того самого завтрака, когда баронесса решила не разыгрывать роль недалекой красотки, искренне заинтересованной в браке с влиятельным дияром.

Нет, будем честными. С того момента, когда она принялась с азартом осматривать умертвие так, будто столкновение со смертью для нее обычное и даже весьма любопытное дело.

Он нутром почувствовал нечто родственное ему самому, но в тот момент был занят другими мыслями.

Поведение Оливии вызывало массу вопросов.

Вопреки ожиданиям, она вполне искренне не испытывала неудобств от нахождения в месте, где трупов куда больше, чем живых людей. Он сам сделал так, чтобы девушка пока контактировала только с умертвиями, и баронессу положение дел вполне устраивало.

Взять хотя бы, как быстро она сообразила что нужно делать, чтобы самым удобным образом пользоваться библиотекой. Дияр сам не так давно додумался, что может выде-

лить всего одно тело, которое запомнит все содержимое фолиантов от и до, вместо того, чтобы отправлять подчиненных на долгий поиск нужных книг. А Оливии понадобилось несколько минут, чтобы прийти к этой мысли.

Между прочим, в библиотеке девушка проводила изрядно много времени. Кажется, она сказала правду, что любит читать, но ни разу ее выбор не пал на художественную литературу. Баронесса словно что-то искала, но сама не знала, что именно, погружаясь то в одну сферу знаний, то в другую.

С натяжкой, но это объясняло довольно хорошее представление девушки о том, как работает человеческое тело, и уверенность в собственных действиях, которую она продемонстрировала, осматривая свою горничную на пороге резиденции.

Оливия не боялась умертвий. Самого дияра не боялась тоже. Лишь опасалась, да и то из здравомыслия, а не слепых предрассудков относительно жизнетворцев. Демонстрировала не только странную для девушки ее положения эрудицию, но и весьма острый ум.

Совершенно не походила на описание, которое Ноймарк читал в отчетах.

И самое главное, она не предпринимала попыток узнать о расследовании. А дияр был уверен, что невесту к нему отправили именно с этой целью.

После того завтрака он решил дать баронессе расслабиться. Не приглашал ко встрече, только через глаза поднятых

им слуг незримо наблюдал за ее действиями. Ждал хотя бы намека на попытку получить информацию.

Вариантов у Оливии, предоставленной самой себе, было достаточно. Поговорить об этом с умертвиями, сделать в библиотеке соответствующий запрос, пообщаться с ним самим, да найти кабинет и порыться в бумагах, в конце концов!

Вместо этого девушка упорно зарывалась в книги, не имеющие никакого отношения к теме расследования, и разгуливала по восточному крылу как у себя дома с исключительно праздным интересом.

Ноймарк откинулся в кресле и закрыл глаза, погружаясь в исток.

Невольно мелькнула мысль: дрогнет ли эта барышня, если увидит его не как человека, а как проявленного дияра? Картину он из себя представлял своеобразную, и прекрасно об этом знал.

Дияр подключился к горничной и перед внутренним взором возникло лицо Оливии: тонкие черты, нежная даже на вид кожа, губы, которые она то сжимала в линию, то чуть приоткрывала, будто говорила сама с собой.

В ней не было той жеманной хрупкости, которую он привык видеть в благородных гостях. В огромных ореховых глазах, смотревших на мир с удивительной ясностью, читалась острота мысли, и еще какая-то тяжесть, не свойственная взгляду девушек ее возраста.

Сейчас она прогуливалась по саду, с интересом разгляды-

вая редкие куцые растения.

Место, как и в большинстве резиденций, заброшенное за ненадобностью, но предусмотренное архитектором. Ноймарк подумал, что оно наверняка сильно отличается от того, к чему баронесса привыкла.

Хотя в его саду все же существовал островок ухоженности. Созданный специально, по просьбе, в которой он когда-то не смог отказать.

Дияр сожалел, что в свое время проявил слабость, но все же вложил невероятное количество сил в восстановление тела никому неизвестного мальчишки, даже когда оно практически сгнило за время его отсутствия несколько лет назад.

В тот год Зендария практически развязала войну, воспользовавшись древним артефактом, и взяла дияра в плен. По возвращении домой он закономерно обнаружил, что от умертвий, обслуживающих здание, толку больше не будет.

Подчиненные жизнетворцы из южного крыла не осмелились лезть к его творениям и просто собрали тела, потерявшие вид без должного обновления, в одном месте. Запах стоял тот еще.

От воспоминаний отвлек образ тонкой фигурки, вышедшей к ротонде, окруженной кустарниками, которые стриг мальчик-умертвие.

Ноймарк взглянул на нее его глазами, снизу вверх, и невольно дрогнул, когда Оливия с теплом улыбнулась и мягко произнесла:

— Привет, ты здесь работаешь, как я посмотрю?

Ольга

После злополучного завтрака с дияром прошло несколько дней. Мне так и не удалось толком получить ответы на свои вопросы от него, поэтому пришлось искать их самостоятельно.

Последние два дня я посвятила наблюдению за умертвиями, даже попросила принести блокнот, чтобы делать в нем заметки. Правда, вместо привычных страничек на пружинке, я получила увесистый фолиант в кожаном переплете, но так даже интересней.

Память Оливии позволяла мне без проблем как говорить, так и читать на местных языках, которые она знала. Как выяснилось, писать я могла тоже, и что интересно, попытка изложить текст на родном русском полностью провалилась.

Вместо знакомых букв получались какие-то невнятные закорючки, будто само мироздание сопротивлялось появлению символов, которых в нем не существует.

Однако, все мои наблюдения сводились к и без того очевидным вещам. Ткани сохраняли целостность, какой-то стабилизирующий фактор предотвращал клеточный распад. Структура тела сохранялась без метаболических процессов, как тонус мышц, например. При этом умертвия не были автономными, следуя строго заданным алгоритмам, лишённые спонтанности и вообще самосознания.

Я даже попробовала спросить горничную и библиотекаря как те умерли, но не получила и намека на попытку ответить.

И все же, несмотря на понимание, что передо мной не живые люди, даже не сознательные существа, я старалась общаться с ними уважительно. Долгие годы в профессии брали свое.

Каждый раз, склоняясь над телом, я помнила: передо мной не набор органов и тканей, а человек, у которого была своя жизнь, свои радости и горести, свои неосуществленные планы и мечты.

Они заслуживают тишины. Достоинства. Уважения. Пусть даже это уважение только к памяти о том, кем они когда-то были.

Я медленно шла по заросшим тропинкам сада. Растения выглядели смутно знакомыми, но мои познания в ботанике ограничивались умением отличить розу от тюльпана и какой-нибудь клен от дуба. Школьные и университетские знания годы давно вымыли из памяти.

Сад казался забытым. Дорожки поросли жухлой травой, а редкие деревья и кусты росли совершенно хаотично.

Наконец я вышла к ротонде. Изящной, но слегка обветшавшей беседке, окруженной густыми кустарниками. Возле них стоял мальчик лет десяти, сосредоточенно орудовавший садовыми ножницами.

Предчувствие не обмануло меня и в этот раз. Немного присмотревшись, я поняла, что ребенок тоже не живой.

— Привет, ты здесь работаешь, как я посмотрю? — сказала я, улыбнувшись, чтобы привлечь внимание умертвия.

Мальчик на несколько секунд застыл, а затем медленно повернулся и помахал рукой, глядя сквозь меня пустыми глазами.

Удивленно вскинув брови, я подошла к нему и опустилась на корточки, чтобы наши лица находились на одном уровне. Впервые умертвие сделало какое-то действие, больше подходящее живому человеку, чем поднятому некромантом телу.

Однако, когда я взялась за ледяные ладошки, мальчик никак не отреагировал.

— Как тебя зовут? — снова улыбнулась я. — Ты знаешь? Молчание.

Я тяжело вздохнула.

— Ты помнишь, как умер? — на всякий случай поинтересовалась я.

И ответа, конечно, же не получила.

От ребенка, а вот другой голос мне его дал, заставив вздрогнуть.

— Зря стараетесь, барышня, оно не обладает сознанием.

Глава 10

Обернувшись, я с неудовольствием обнаружила, что дияр Ноймарк стоит прямо за моей спиной.

И когда только успел здесь оказаться?

— Я уже поняла, что они просто следуют заданным моделям поведения, — произнесла я, поджав губы. — Вы часто так подкрадываетесь к людям, чтобы их покритиковать?

Вопреки ожиданиям, жених не принял мои слова в штыки. Он только вскинул белесую бровь и усмехнулся.

— Я не подкрадывался, — спокойно ответил он. — Просто вы слишком увлечены своими наблюдениями. Если вас что-то интересует, могли бы просто спросить.

С губ невольно сорвался едкий смешок.

— Это вы на себя намекаете? Простите, но наш первый и последний разговор отбил у меня всякое желание у вас что-то спрашивать.

Со вздохом я погладила мальчика по голове и встала.

— Они ничего не чувствуют, — снова напомнил дияр, вместо того, чтобы ответить на мой пассаж. — Если вы это понимаете, зачем тогда ведете себя так, будто они живые?

— Потому что так правильно, — спокойно объяснила я, глядя прямо в грозовые тучи глаз Ноймарка. — Смерть заслуживает уважения не меньше жизни, иногда даже больше. Вам ли об этом не знать?

Мне казалось, что резкость должна вызвать у дияра раздражение, но он только задумчиво хмыкнул, почти не изменившись в лице.

— Мне, может быть. Откуда только это понимание в Оливии Фарелл? — наконец, произнес он.

Вздохнув, я на секунду возвела взгляд к небу.

— У Оливии Фарелл просто есть мозги. Надеюсь, этот факт вскоре перестанет вас шокировать.

Вместо ответа Ноймарк сделал шаг ко мне. Я едва удержалась от желания отшатнуться и с удивлением уставилась на предложенную руку.

— Прогуляемся? — спросил дияр.

Я замерла на мгновение, вглядываясь в серые глаза.

Смотреть приходилось снизу вверх, жених был не просто высок, значительно выше меня и даже среднестатистического мужчины.

Не найдя в предложении скрытой угрозы, я неуверенно взяла Ноймарка под локоть. Его рука оказалась твердой и теплой, сильно контрастирующей со льдом рук мальчика-садовника.

Мы двинулись по заросшей тропинке, оставляя умертвие позади.

— Не обижайтесь на мою резкость, — произнес дияр, скосив на меня взгляд. — Вы сильно отличаетесь от других девушек, но это не написано у вас на лбу.

— На обиженных воду возят, слышали о таком выраже-

нии?

— Нет.

— Оно значит, что обижаться — дело неблагодарное. Но я считаю, что никакая девушка не заслуживает отношения, которое вы продемонстрировали.

Тонкие губы Ноймарка сложились в загадочную полуулыбку, но комментировать он мои слова никак не стал. Вместо этого дияр спросил:

— Вы интересовались, как умер мальчик в саду. Все еще хотите узнать?

— Да! — вырвалось, может, слишком поспешно.

— Гадаете, не убил ли я его, чтобы было кому стричь ку-сты? — с пониманием усмехнулся дияр.

Я чуть не споткнулась на неровной тропинке, но жених помог мне удержать равновесие одним коротким напряжением мышц.

— Не думаю, — с неудовольствием призналась я. — Характер у вас не сахар, но на убийцу детей вы не похожи. Однако, согласитесь, не зная точно, и такой вариант отбрасывать нельзя.

— Удивительно разумная мысль, — отчего-то развеселился дияр. — Расслабьтесь, барышня, детей я действительно не убиваю. Никого не убиваю ради того, чтобы пополнить штат прислуги в резиденции.

Не могу не признать, что испытала облегчение после его слов. И все же отметила формулировку, которая говорила

о том, что по другим причинам некромант убивать вполне способен.

— Тогда откуда вы берете, хм... материал?

Дияр смерил меня пронизательным взглядом, и, не найдя осуждения, совершенно спокойно ответил:

— Как правило, тела передают в резиденцию родственники усопших. Вам может показаться эта практика дикой, но у нас так принято. Жители городов и деревень знают, что к их родным отнесутся со всем уважением, и что после смерти их близкие не исчезнут бесследно, — продолжил Ноймарк, чуть замедлив шаг. — В Конклаве служить дияру, значит служить каждому жизнетворцу пустошей. Это честь. Даже после смерти.

— Должно быть, это очень тяжело, — задумчиво произнесла я. — Видеть, как родной человек существует, но знать, что это лишь иллюзия.

— Они не видят, — Ноймарк с интересом чуть склонил голову набок. — Пока родственник служит в резиденции в качестве умертвия, его семье вход сюда строго запрещен.

Даже не знаю, гуманно это или трагично.

— А что насчет того мальчика? Его отдали родители?

Взгляд неожиданно разговорчивого и благодушного дияра стал непроницаемым. Кажется, я случайно затронула не слишком приятную для него тему.

— Мать, — холодно произнес он. — Обычно мы не принимаем детей, это не запрещено, но из разряда негласных

табу. Конкретно в этом случае я отказать не мог.

— Почему?

— Потому что женщина, которая провела ночь с дияром, имеет право попросить о чем угодно, и если просьба выполняема, он не в праве ей отказать.

Признаюсь, сразу промелькнула мысль, что это мог бы быть легкий способ решить мои проблемы. Ольга Цветкова никогда бы не пришла к такой идее, но патовая ситуация Оливии предполагала любые возможные меры.

Однако интуиция отозвалась тревожным звоночком. Что такого в близости с диярами, раз за нее полагается такое щедрое вознаграждение?

Ноймарк неправильно трактовал мучительные размышления на моем лице, и пояснил:

— Речь не о романтической истории, если вы об этом подумали. Традиции таковы, потому что связь с дияром имеет свои... особенности. С той женщиной мы не были близки, и даже знакомы до ночи, когда она явилась на порог резиденции в таком отчаянии, что я не смог ей отказать. Только потом понял, какую ошибку совершил. Обычно историю женщин и их семей тщательно проверяют, как раз во избежание подобных инцидентов. Я тогда был молод, оступился первый и последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.